

носила ночью

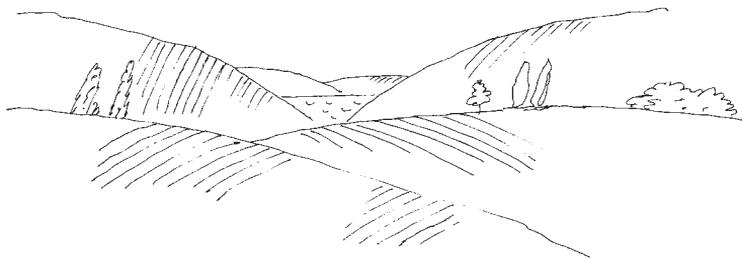
Петье Мартина

носила в сумерках

носила на заре

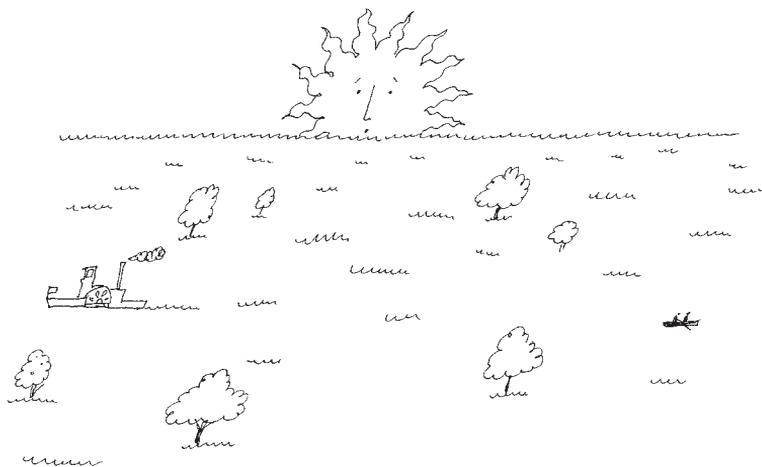
Когда я был маленьким, мы вместе с сестрой деда по отцовской линии, тетей Мариной, мирно жили на краю деревни в маленьком доме, бывшей ферме, одиноко стоявшей среди полей.

Тетя Марина одевалась старомодно, носила набивные чепцы, платья в складку, на поясе у нее всегда висели серебряные ножницы. Она командовала всеми на свете: людьми, собакой, утками и курами. Меня же она распекала с утра до вечера. Между тем я был тихий, и, наверно, воспитывать меня было легко. Но это ничего не значило. Она все равно ворчала. Тайно она меня обожала, но считала, что надо скрывать свои чувства, которые все же бурно проявлялись по малейшему поводу.

Вокруг, за полями, разделенными вереницами кипарисов, за огородами и двумя-тремя одинокими фермами, было пустынно.

Однообразие этого пейзажа меня удручало.

Но за полями текла река...

Тая превращается в озеро.

Мы часто говорили о ней, особенно зимними вечерами, но я никогда ее не видел. Река играла важную роль в нашей жизни, принося то благо, то убыток хозяйству. Она то удобряла, то опустошала наши угодья. Большая и стремительная, осенью, во время дождей, река выходила из берегов. Было слышно за версту, как она шумит. Временами вода переливалась через дамбу и заливала поля. Потом она отступала, оставляя после себя плодородный ил.

Каждый год, весной, когда в Альпах таяли снега, прозрачное течение реки разливалось мутным пловодьем. Вешние воды размывали дамбу, и поля превращались в озеро. Летом, во время палящего зноя, река мелела. Островки, намытые из песка и гальки, задерживали течение и, высыхая, дымилась на солнце.

Конечно, мне все это было известно лишь понаслышке.

— Играй, где хочешь, — предупреждал меня отец, — места предостаточно. Но к реке я тебе ходить запрещаю.

А мать добавляла:

— Малыш, знай, в реке много бездонных омутов, ты там сразу утонешь, в камышах водятся змеи, а по берегам бродят цыгане.

Разумеется, эти предостережения еще больше заставляли меня мечтать о реке день и ночь. И как ни холодело сердце от страха, мне страстно хотелось ее увидеть.

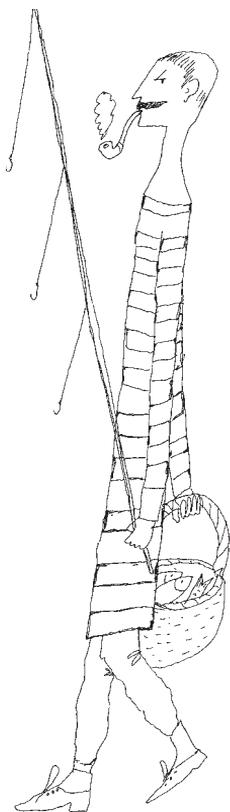
Время от времени к нам заходил высокий сухощавый охотник-браконьер, худой и узкий, словно лезвие ножа, с живыми хитрыми глазами. Все в нем говорило о ловкости и силе: узловатые руки, ороговелые ноги, ловкие пальцы. Он появлялся неслышно, точно тень.

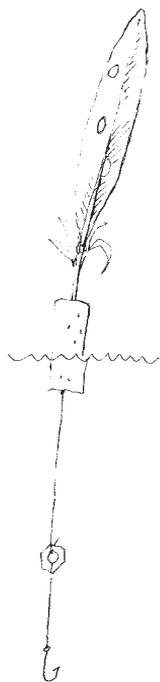
— А вот и Баргабо, — говорил отец. — Он принес нам рыбу.

И в самом деле.

Баргабо ставил на кухонный стол корзину со сверкающей рыбой. Она приводила меня в восхищение. В корзине среди водорослей блестели серебристые брюшки, голубоватые спинки и колючие плавники.

Баргабо

Это была свежая, только что пойманная в реке рыба.

— Баргабо, как вам удастся ловить такую хорошую рыбу?

Баргабо уклончиво отвечал:

— Господь помогает бедным, господин Букарю, и потом, у меня легкая рука.

И больше вытянуть из него ни одного слова было невозможно.

Как-то раз Баргабо застал меня дома одного. У него на крючке красовалась огромная сельдь.

Он сказал:

— Вот, это тебе, держи.

И положил рыбину на край стола. Потом странно взглянул на меня и спросил:

— Слушай, малыш, у тебя симпатичная рожица настоящего рыбака. Ты когда-нибудь ходил на рыбалку?

— Нет, господин Баргабо, мне запрещено ходить к реке.

Он пожал плечами.

— Что поделаешь! Если когда-нибудь пойдешь со мной, я покажу тебе самые лучшие места, о которых никто не знает, особенно на островах...

С этого дня я совсем потерял покой.

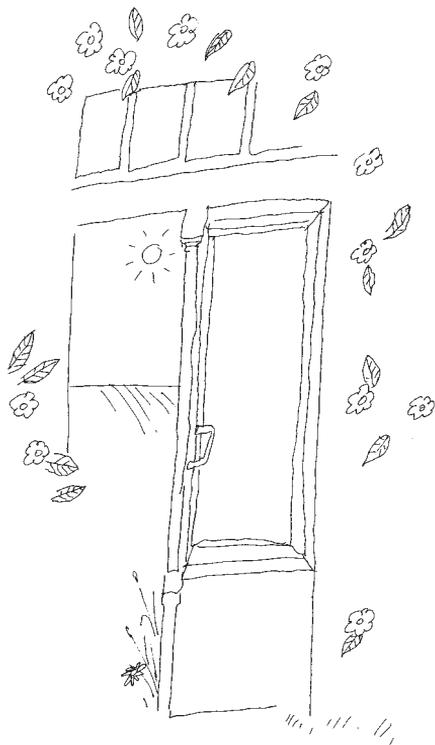
Даже по ночам иногда думал о заветных местах, затерянных в лесу на островах, где никто, кроме Баргабо, никогда не бывал.

В другой раз Баргабо показал мне чудесные рыболовные крючки из голубой стали и симпатичные поплавки, вырезанные из пробкового дерева.

Баргабо был моим идеалом: я им восхищался. Но его серые хитрющие глаза внушали мне страх, который сдерживал мои к нему чувства.

Когда он приходил, мне становилось страшно. Когда его долго не было, я скучал. Если во дворе раздавался шорох его парусиновых туфель, у меня начинало биться сердце. Он очень скоро заметил интерес, который вызывала во мне его особа, но из лукавства напускал на себя безразличный вид, который меня страшно мучил. Иногда он пропадал недели на две, и тогда я не находил себе места. Мне ужасно хотелось убежать к реке. Но я боялся отца: с ним шутки плохи.

Зимой еще куда ни шло. Погода холодная, снег, на ветру студено, выходить на улицу — безумие. Лучше посидеть дома у огня. Весной солнышко и теплый ветер гонят всех на свежий воздух. Весной меня охватывала жажда приключений. От страстного желания убежать я стал сам себя бояться.

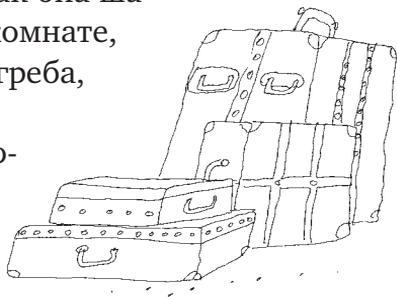
Я всегда знал, что в одно прекрасное утро в начале весны кинусь навстречу приключениям.

Я ждал подходящего случая, который вскоре представился. И вот как.

Мои родители должны были уехать на несколько дней. Как всегда, на время их отсутствия в доме воцарялась тетя Мартина. Ты помнишь, читатель, тетя была деспотом, но, стоило нам остаться в доме одним, она давала мне понять, что я совершенно свободен. Она сама горела жаждой свободы, которой ей не хватало, пока с утра до вечера она заботилась обо мне. Наверное, она понимала, что тот, кто тиранит ближнего, тиранит сам себя. И поэтому отпускала меня на волю, чтобы носиться в свое удовольствие.

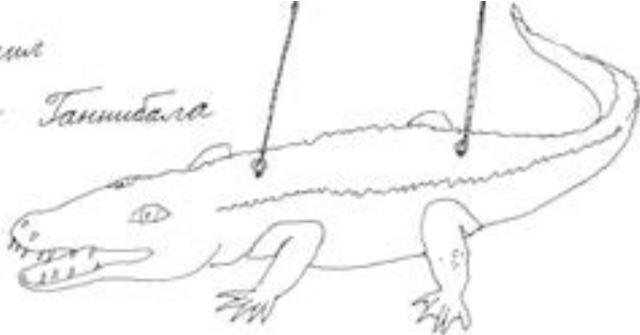
Да, она носилась. Носилась по всему дому, сверху донизу. Она носилась днем; носилась ночью, на заре и в сумерках. И всегда семенящей походкой, едва различимым мышинным шагом. Когда родители были дома, тетя вела себя более-менее спокойно, но стоило им выйти за порог, как она принималась носиться. Она исчезала из вида, но было слышно, как она ша-рила то в одной, то другой комнате, то погружалась в темноту погреба, то исчезала в кладовой.

Что она там делала? Одно-му Богу известно! Только

Старые времена

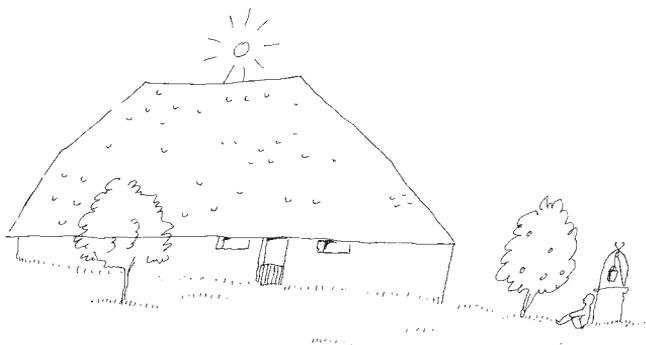
Крокодил
деди Таншбала

отовсюду раздавались таинственные звуки: то дрова шевелились, то сваливался с грохотом ящик... Потом наступала тишина... Из всех уголков, которые предлагал ей наш старый дом, она больше всего любила чердак. И пропадала там каждый божий день после обеда до темноты. Это было ее излюбленное прибежище, ее рай. Там стояли в ряд старые, обитые медными гвоздиками и обшитые материей из козьей шерсти чемоданы. Эти столетние чемоданы были набиты всевозможной ветошью: жакеты в цветочек, атласные жилеты, пожелтевшие кружева, вышивки, туфли-лодочки с серебряными пряжками, лакированные сапожки. А какие платья! Из розового шелка или из парчи с серебряной и золотой нитками, с пюсовыми оборками, блестками и пурпуром! Цвета, конечно, выцвели и пахло старьем, но какая все же прелесть! Ибо все

Книги на
чердаке

это еще хранило ароматы лаванды и яблок. Я был от этого без ума. И это были не единственные сокровища! На гвоздях висели тронутые временем фамильные портреты. В углу стояла горка керамической посуды. Два серебряных подсвечника смиренно покоились на сундуке черного дерева. Книги в кожаных переплетах лежали на полу среди груды пожелтевшей бумаги, в которой крысы наделали себе нор. Наконец, под потолком висело старое чучело крокодила, подарок дяди Ганнибала, мореплавателя.

Когда тетя Мартина поднималась на чердак, ничто в мире не могло ее оттуда выманить. Она закрывалась изнутри на два оборота ключа. И следовать за ней я не имел права.

— Иди играть в сад, — говорила она. — Мне надо перебрать ветошь.

Я все понимал с полуслова. Предоставленный сам себе, я бродил без дела по дому или сидел под смоковницей у колодца.

Именно под смоковницей вешним апрельским утром мною неожиданно овладело искушение.

Оно сумело меня уговорить. Это было весеннее искушение, самое безобидное на свете. Оно искушает всех, кто чувствителен к чистому небу, нежным листьям и распустившимся цветам.

Поэтому я не устоял.

Я ушел в поля. Ах! Как билось мое сердце! Весна сияла во всей своей красе. Когда я открыл ворота, за которыми начинался луг, тысячей запахов травы, деревьев, молодых побегов повеяло мне в лицо. Я добежал, не оглядываясь, до небольшой рощицы.

Она гудела от пчел. Насыщенный пыльцой воздух вибрировал от трепета их крыльев. Недалеко, в белоснежной купе цветущего миндаля, ворковали молодые голуби. Я был опьянен.

Узкие луговые тропинки как бы исподволь манили меня. «Пойдем! Что тебе стоит сделать еще несколько шагов? До первого поворота недалеко. Ты остановишься у куста боярышника». От этого зова у меня кружилась голова. Ступив однажды на извилистые тропинки между изгородями с сидящими на них птицами и кустами можжевельника с голубыми ягодами, разве можно было остановиться?

Чем дальше я шел, тем больше меня влекла дорога. Между тем с каждым шагом она становилась все более дикой.

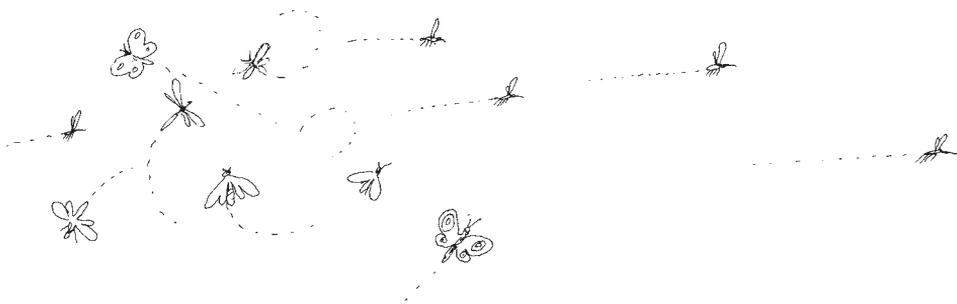
Обработанные поля исчезли, земля стала жирной, всюду росла высокая серая трава или молодые ивы. Порывы ветра приносили запах влажного ила.

Вдруг передо мной словно выросла дамба. Это была высокая земляная насыпь, увенчанная тополями. Я взобрался наверх и увидел давно желанную реку.

Это была широкая река. Она текла на запад. Мощное течение реки, напоенное растаявшим снегом, несло вырванные с корнем деревья. Вода была тяжелая и мутная. Иногда необъяснимо образовывались огромные водовороты, в которые затягивались обломки, вырванные в верховьях. Встречая на своем пути преграду, река грозно рокотала. Огромная толща воды шириной пятьсот метров монолитным валом двигалась к берегу. В середине отчетливо различалось бурное течение, темный гребень которого пенился в илистой воде. Он казался таким жутким, что у меня по спине побежали мурашки.

В низовье, разделяя поток реки, возвышался остров. Крутые берега, заросшие густыми ивами, делали его неприступным. Это был большой остров, густо заросший березами и тополями. Только что рухнувшие на мысе острова деревья быстро уносило течение реки.

Когда я перевел взгляд на берег, то заметил у своих ног скрытую под дамбой небольшую бухту

с песчаным пляжем. Тут течение реки было спокойным, место тихим, и я пошел туда. Бирючины, гигантские ивы и зеленовато-голубые стволы ольхи образовали укромную нишу.

Внутри в полумраке жужжали тысячи насекомых.

На песке были видны следы босых ног. Они вели от воды к дамбе. Отпечатки были широкие и глубокие. Они напоминали поступь животного. Мне стало страшно. Место было пустынным и диким. Где-то поблизости рокотала вода. Кто посещает эту таинственную бухту, этот укромный пляж?

Впереди меня на острове было тихо. И все же он казался мне опасным. Было тревожно, я чувствовал себя незащищенным, слабым и брошенным. Но уйти не мог. Какая-то загадочная сила держала меня в прибрежном одиночестве. Я искал

